

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Кафедра общей философии

Е.С. МАСЛОВ

БАЗОВЫЕ ПРИЁМЫ
АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Учебно-методическое пособие

Казань – 2015

УДК 001.891.3:1(075.8)

ББК 87я73

*Принято на заседании кафедры общей философии
Протокол № 2 от 9 октября 2014 года*

Рецензенты:

доктор философских наук,
доцент кафедры общей философии
Казанского федерального университета **Г.К. Сайкина**;
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального
исследовательского технологического университета **Е.А. Бугарчёва**

Маслов Е.С.

Базовые приёмы анализа философского текста / Е.С. Маслов. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – 49 с.

Настоящее учебно-методическое пособие адресовано студентам I курса направления подготовки «Философия» (бакалавриат), изучающим дисциплину «Методика написания курсовой работы». Оно может быть использовано также студентами других курсов того же направления подготовки при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

В пособии подробно описываются методические приёмы, лежащие в основе анализа философского текста. Эти приёмы не только описываются, но и подробно иллюстрируются на большом количестве примеров. Дается пошаговый анализ каждого приёма, в конце работы демонстрируется переход от отдельных применений приёмов к написанию целостного самостоятельного фрагмента текста на определённую тему. Таким образом, пособие содержит развёрнутое описание технологии написания собственного научного труда в области философии. Учебно-методическое пособие способно оказать существенную поддержку студентам в методике написания не только курсовых и дипломных работ, но и научных статей.

© Маслов Е.С., 2015

© Казанский университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Работа с терминами	5
2. Вычленение подразумеваемых утверждений	12
3. Вычленение из текста информации об определённых объектах	15
4. Выделение отношений дифференциации	20
5. Написание целостного фрагмента текста на определённую тему	24
Литература	35
Приложение	38

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем учебно-методическом пособии я поставил цель описать самые элементарные приёмы, которые можно использовать при анализе философского текста. Элементарные – не значит лёгкие. Элементарные приёмы – это приёмы, простые по структуре и при этом лежащие в основе более сложных ходов мысли. Такого рода приёмы лежат в основе всех без исключения работ, в которых анализируются философские тексты, хотя, конечно, разные авторы используют одни и те же приёмы в разных количествах.

Вряд ли можно в принципе создать исчерпывающий список приёмов анализа философского текста. Тем более данное учебно-методическое пособие ни в коей мере не может претендовать на полноту их охвата. Здесь скорее приведены примеры таких приёмов.

Приёмы анализа философского текста в данном учебно-методическом пособии демонстрируются на материале фрагментов из произведения П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Сами фрагменты помещены в конце в качестве приложения и для удобства обращения к ним имеют пронумерованные абзацы. Я выбрал произведение П. Бергера и Т. Лукмана прежде всего из-за относительной простоты и ясности этого текста – в отношении терминологии, синтаксиса, а также в том отношении, что для его понимания не обязательно знать какие-либо философские концепции.

Цель данного учебно-методического пособия – разложить исследовательскую мысль на простые шаги и показать, как они производятся. Когда вы читаете исследование, в котором анализируется философский текст, вам часто будет сложно увидеть, что именно сделал автор, чтобы получить ту идею, которую он излагает. Наиболее базовый уровень философского исследования принято оставлять за кадром. Обычно исследователи не рефлексиируют элементарные ходы мысли, и это характерно как для начинающих, так и для маститых учёных. Однако внимание к этому базовому уровню анализа позволяет каждому научиться большему, чем он умел до того.

1. РАБОТА С ТЕРМИНАМИ

Читая философские тексты, вы обязательно встретитесь с незнакомыми вам словами. Обычно это специализированные термины из области философии или близких к ней дисциплин. В одних текстах незнакомых терминов меньше, в других больше. Например, фрагмент из произведения П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» содержит довольно мало сложных терминов.

В любом случае схема ваших действий одна и та же: вам необходимо посмотреть значение незнакомого термина в словаре. В каком словаре смотреть? Это, прежде всего, специализированные словари, энциклопедии, справочники по философии. Они могут называться «Философский словарь», «Словарь философских терминов», «Краткий философский словарь», «Философский энциклопедический словарь» или похожим образом. Вот некоторые из них:

- Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби – Проспект, 2005. – 491 с.
- Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 729 с.
- Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
- Философский словарь / Под общ. ред. А. П. Ярещенко. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 555 с.
- Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – 861 с.

Более подробно значения терминов излагаются в энциклопедиях, например:

- Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2000.
- История философии: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис – Книжный Дом, 2002. – 1375 с.

- Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. – Мн.: АСТ – Харвест – Современный литератор, 2002. – 975 с.

Искать значение термина имеет смысл также в словаре иностранных слов. Тем более что термин может оказаться не философским, а принадлежащим к какой-либо другой области знания. Какая-то часть терминов, которые употребляются относительно часто, есть в обычных толковых словарях, например, в словарях Ушакова и Ожегова. Однако если слово есть и в обычном толковом словаре, и в специализированном – философском, – то нужно обязательно посмотреть его значение и в специализированном словаре.

Сегодня большое количество словарей можно найти в Интернете. Есть также специальные сайты, где различные словари собраны вместе и значение слова можно искать или в отдельном словаре, или сразу во всех. Это, например, сайт <http://dic.academic.ru>.

На то, чтобы посмотреть значение слова в словаре, уходит некоторое время, которого иногда жалко. Особенно когда кажется, что вы можете понять смысл текста несмотря на то, что один-два термина остались непонятыми. Однако затраты времени на поиск значений слов окупаются с лихвой. Если часть слов непонятна, эти слова создают «островки» текста, смысл которых туманен, а эти «островки» влияют уже на понимание всего текста. Кроме того, если не узнавать и не уточнять значения терминов и оставлять куски текста непонятыми, это приводит к тому, что читать дальше становится субъективно тяжелее, неприятнее, скучнее и т. п. Наоборот, когда понятно каждое слово, разбираться в тексте интересно. Человек получает удовольствие от тех занятий, которые у него получаются, в которых он чувствует себя уверенно. В чтении научных произведений одно из условий интереса и успеха – понимание смысла каждого слова.

Иногда слово знакомо, но смысл его расплывчат. В этом случае тоже надо смотреть в словарь. Термин может иметь несколько значений, и в читаемом вами тексте значение может отличаться от известного вам. А возможно, ваше понимание значения термина неверно или верно только отчасти, то есть неточно.

Так же, как с терминами, нужно поступать с именами собственными – именами людей, названиями городов, просто непонятными словами, написанными с большой буквы (когда непонятно, о чём идёт речь – о человеке, стране, фирме или реке). Значения имён собственных удобно смотреть в энциклопедиях. Например, на уже упоминавшемся сайте <http://dic.academic.ru>.

В некоторых произведениях вы встретите слова и фразы на иностранных языках, данные без перевода. Например, это идиомы (устойчивые словосочетания) и крылатые фразы на латинском языке. Некоторые авторы, особенно зарубежные, привыкшие к высоким стандартам знания учёными иностранных языков, помещают в своих текстах слова, фразы и даже крупные цитаты на разных языках (латинском, древнегреческом, английском, немецком, французском и др.) без перевода. Обычно редакторы русских переводов снабжают такие фрагменты текста переводом, помещая его в примечании (в сноске внизу страницы или в конце книги), но идиомы, как правило, даются без перевода. В таких случаях вам нужно искать перевод самостоятельно. Вам помогут словари, например, в случае с фразами на латинском языке – латинско-русский словарь или латинско-русский словарь крылатых слов и выражений, либо словари других языков. Их вы также можете найти в Интернете, например, на сайте <http://dic.academic.ru>. А на сайте <https://translate.google.ru> можно перевести не только слово, но и фрагмент текста.

Рассмотрим на примерах, как обращаться с непонятными терминами. Будем использовать словари на сайте <http://dic.academic.ru>. В абзаце 2 дважды встречается прилагательное «субъективный» и один раз наречие «субъективно». Слово многим покажется знакомым, но если вы не разбирали его философский смысл ранее, советую посмотреть значение этого слова в словаре. На сайте <http://dic.academic.ru> помещаем в поисковую строку слово «субъективный». Среди результатов есть значения, которые предлагают словарь иностранных слов русского языка, толковые словари, философская энциклопедия, психологическая энциклопедия. Если у нас есть основания считать, что текст, который мы читаем, философский, а не, например, психологический, то в данной ситуа-

ции лучше всего использовать философский словарь или энциклопедию. Толковый словарь Ожегова предлагает два значения: «субъективный» – «присущий только данному субъекту, лицу» и «пристрастный, предвзятый, лишённый объективности». В философской энциклопедии находим значение «субъективный» – «относящийся к субъекту, его природе и интересам; зависящий от субъекта; имеющий значение только для субъекта». Словарь Ожегова отражает более ходовые значения, употребляемые за пределами философских текстов. Мы увидим это, если подставим значения во фразы из текста П. Бергера и Т. Лукмана: «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» и «Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью». Значение, данное в философской энциклопедии, подходит больше. В частности, в нём есть отсылка к философской категории «субъект», что позволяет богаче отразить философское содержание понятия. Значения, предлагаемые словарём Ожегова, оказываются частным случаем значения из философской энциклопедии: «относящийся к субъекту, его природе и интересам».

В этом же абзаце встречаем слово «объективация». Его значение тоже есть и в толковых словарях, и в философской энциклопедии. Смотрим значение в философской энциклопедии: «объективация» – это «опредмечивание, превращение в объект; мыслительный процесс, посредством которого ощущение, возникающее как субъективное состояние, преобразуется в восприятие объекта». Для сравнения: толковый словарь Ушакова сообщает, что объективация – это «то же, что объективизация», а при объяснении объективизации даёт в скобках примечание «филос.», то есть указывает, что термин относится к области философии.

Примечательно, как даёт значение слова «объективация» словарь Ожегова. Существительное «объективация» – производное от глагола «объективировать». Значение этого глагола – «воплощать в чём-нибудь объективном, доступном восприятию». То есть, в свою очередь, «объективировать» объясняет-

ся через «объективный». Слово «объективный», при кажущейся понятности, имеет общеупотребительное и специализированное, философское значения, что было показано выше на примере его антонима – слова «субъективный». Это означает, что для понимания термина иногда недостаточно посмотреть его значение, нужно смотреть ещё и значения некоторых терминов, с помощью которых объясняется значение.

Примером философского термина, обычно не употребляющегося в обычной речи, является слово «интерсубъективный» (тот же абзац). В неспециализированных толковых словарях его нет, а есть только в словаре терминов логики: «интерсубъективный» – это «межличностный, общий, общедоступный, в противоположность личному, индивидуальному, уникальному». Здесь нам поможет такой приём: искать слова других частей речи, производные от той же основы. Существительное «интерсубъективность» представлено в философских словарях гораздо шире, чем прилагательное «интерсубъективный»: на сайте <http://dic.academic.ru> таких словарей сразу четыре. Имейте в виду, что в некоторых философских словарях термина может не оказаться, и тогда нужно искать в других философских словарях и энциклопедиях. Если определения в разных словарях существенно отличаются друг от друга, то нужно рассматривать их все и поочерёдно применять к фрагменту текста, который вы читаете, пытаясь найти подходящее значение.

Абзац 3 целиком посвящён раскрытию смысла термина «интенциональный». Это помогает понять данный термин, но только после того, как вы посмотрите его значение в словаре, иначе вы не будете знать, что то, что говорится в абзаце, фактически представляет собой расшифровку этого термина. Как и в случае с «интерсубъективным», получить определение нам поможет замена прилагательного на существительное («интенциональность» вместо «интенциональный»).

В одном из словарей говорится, что «интенциональность» – основное понятие феноменологии Гуссерля. Любой термин имеет свою историю употребления, и по-настоящему полно понять его значение можно, изучив философ-

ские концепции, в которых этот термин вводится в оборот или играет важную роль. Однако для понимания текста словарь может дать вполне достаточно материала.

В философской энциклопедии об интенциональности написано, в частности, следующее: «В отличие от гносеологической субъективности неокантианства, представляющей собой замкнутую самосознающую субстанцию, феноменологическое сознание всегда обладает изначальной отнесенностью к предметности, т.е. интенциональность как "сознание о", полагание предметности, выражает несамодостаточность сознания, которое может существовать лишь при осознании предмета, а не собственных актов». Для сравнения, вот что мы находим о том же термине в Википедии: «понятие в философии, означающее центральное свойство человеческого сознания: быть направленным на некоторый предмет». Второе определение – образец того, каким должно быть определение: краткое, ёмкое, простое и вместе с тем достаточное для того, чтобы работать с термином. Первое определение представляет собой образец того, каким определение быть не должно: определения как такового нет, есть рассказ о явлении; длинные, запутанные фразы со сложной структурой; несколько терминов, значения которых новичку опять же придётся смотреть в словаре. В данном случае Википедия безоговорочно выигрывает. Отсюда вывод: определения имеет смысл искать в разных словарях, в том числе и в Википедии. Но одной Википедией ограничиваться, конечно, не стоит. Вот другие хорошие определения термина «интенциональность» с того же сайта: «активное отношение ума к какому-либо объекту» (Философский словарь), «нацеленность человеческого действия» (Большой толковый социологический словарь).

Несколько другое различие в качестве определений мы видим в случае со словом «типизация» (в анализируемом нами тексте оно присутствует, в частности, в абзаце 16). На сайте <http://dic.academic.ru> дано значение этого слова согласно нескольким словарям. Словарь иностранных слов русского языка предлагает такие определения: 1) «отбор или разработка типовых конструкций или производственных процессов на основе общих для ряда изделий или процессов

технических характеристик; один из методов стандартизации»; 2) «художественное обобщение, выражение общих идей, социальной сущности процессов и явлений посредством конкретных типических образов; одна из основных особенностей творческого метода реалистической литературы и искусства». Оба этих определения относятся к специализированным областям, в которых используется термин «типизация»: соответственно к техническим наукам и искусствоведению. Толковый словарь Ушакова даёт такие значения: 1. «Подведение под какой-нибудь тип, классификация по типам» и 2. «Превращение в тип». Эти определения более фундаментальны, они лежат в основании употребления термина в разных специализированных областях. Кроме того, они предпочтительнее по причине своей краткости и простоты.

Работая с философскими словарями, следует учесть, что те из них, которые были изданы до начала 90-х годов XX века, написаны с позиций официальной марксистско-ленинской философии советского периода и поэтому не могут служить сегодня в качестве адекватных источников. Используйте словари и энциклопедии, изданные не ранее, чем во второй половине 90-х годов.

Первое предложение в абзаце 5 содержит иноязычное словосочетание, данное без перевода: «*par excellence*». Если вам не знакомо это словосочетание, посмотрите его значение в словарях. Проблема может заключаться и в том, что вы не знаете, какой это язык. На сайте <http://dic.academic.ru> в этом случае выберите под строкой поиска «переводы», а не «толкования», и не задавайте язык, с которого нужно перевести (оставьте «все языки»), укажите только, что перевести надо на русский. По результатам вы быстро увидите, что фраза – из французского языка и означает «по преимуществу», «главным образом».

Тем же путём можно узнать, что слово «*realissimum*» в абзаце 6 взято из латыни и означает «реальнейшее».

Описанная в этом разделе пособия работа со словарями с использованием сайта <http://dic.academic.ru> – это то, что необходимо делать для понимания текста. Если вы используете определения в тексте своей работы, то указанный сайт уже не годится, так как взятые из словарей определения нужно снабжать снос-

ками с указанием полных выходных данных словаря: полностью название, данные об авторах и / или редакторах, город издания, издательство, год издания, страница, на которой расположен цитируемый фрагмент. На сайте <http://dic.academic.ru> такой информации нет. Поэтому для цитирования в собственном тексте нужно использовать бумажные варианты словарей либо их качественные электронные версии из электронных библиотек. «Википедия» в данном случае не годится, потому что находящиеся в ней материалы являются результатом анонимного творчества: ссылки на такие ресурсы не приветствуются в научной литературе.

2. ВЫЧЛЕНЕНИЕ ПОДРАЗУМЕВАЕМЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ

Каждый автор имеет замысел и цель своей работы. Он хочет что-то сказать нам об определённых вещах. Если ему действительно есть что сказать, его работа выстраивается вокруг определённых идей как некоего стержня. При этом в произведении всегда содержится много информации, которую автор не выносит на первый план, а использует как нечто вспомогательное для развития своих основных идей. Для исследователя философского текста эта вспомогательная информация представляет не меньший интерес, чем то, что автор текста выносит на первый план. Но требуются определённые усилия и умения, чтобы увидеть то, что сам автор не намеревается продемонстрировать.

Если мы пересказываем содержание философского текста, то испытываем мощное воздействие замысла его автора. Легче всего излагать те идеи, которые автор преподносит как основные, следовать за автором в структуре этих идей, в акцентах, которые в них расставлены. Легче всего пересказать текст, осмысливая предмет в тех же терминах, что и автор. Но тогда мы не получим новых, оригинальных идей, мы не скажем ни об исследуемом произведении, ни о его предмете ничего нового. Таким путём мы не создадим оригинальное исследование.

Для того чтобы на материале чужого философского исследования создать своё, нужно «разрушить» чужой текст. Я имею в виду не уничтожение, а разложение на элементы. Из цельного произведения нужно уметь получить множество отдельных утверждений, которые автор исследуемого текста делает в той или иной форме. Некоторые из этих утверждений лежат на поверхности, и добыть их легко. Другие поданы так, что для их обнаружения нужно приложить силы.

Один из способов добыть из текста больше информации для анализа – обращать внимание на фразы, где автор, утверждая одну мысль как собственную идею, излагает некоторые другие мысли просто из необходимости выйти на эту, главную для него мысль. Тем не менее, мы вправе утверждать, что автор текста утверждает и эти, «вспомогательные» для его целей идеи.

В абзаце 13 П. Бергер и Т. Лукман пишут: «Не существует полной одновременности этих различных уровней темпоральности, о чем свидетельствует восприятие ожидания». Что здесь утверждается как авторская мысль? Что не существует полной одновременности уровней темпоральности. Но такое утверждение означает, что у темпоральности есть уровни: иначе не могла бы идти речь об их одновременности.

Абзац 16: «Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными из-за вмешательства с его стороны». Из этого утверждения, в частности, следует, что типизации могут быть как непроблематичными, так и проблематичными.

В том же абзаце: «Схемы типизации, выступающие в качестве составных элементов ситуации лицом-к-лицу, конечно, взаимны». Авторы хотят подчеркнуть идею взаимности, но из предложения вытекает и то, что схемы типизации выступают в качестве составных элементов ситуации лицом-к-лицу.

В абзаце 7: «Именно благодаря интерсубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей». Авторы подчёркивают причину, по которой повседневная жизнь резко отличается от других реальностей, но из этого следует, что, по крайней мере, повседневная жизнь резко отличается от других реальностей.

В том же абзаце: «Я знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей...». Раз моя и чья-то ещё естественные установки соответствуют друг другу, значит, и у меня, и у других людей есть естественная установка. Это утверждение может оказаться не менее важно, чем то, которое авторы выносят на первый план, если мы будем анализировать понятие «естественная установка».

Как «вытащить» из текста эти подразумеваемые, но не акцентируемые утверждения? Если у вас не получается это делать сходу, примените следующий приём. Предложение нужно разбить на простые (максимально простые) по структуре утверждения, стараясь при этом полностью исчерпать всё, что в нём говорится. Вот пример такого преобразования:

Исходное предложение: «Я знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей...» (абзац 7).

Из него можно получить следующие утверждения:

1. У меня есть естественная установка.
2. У других людей есть естественная установка.
3. У меня есть естественная установка по отношению к этому миру.
4. Моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей.

Можно «вытащить» из процитированного предложения ещё и мысль о том, что в принципе может существовать чья-то естественная установка по отношению к миру.

Некоторые из этих утверждений будут банальными, повествующими об очевидном, но в каких-то случаях вы наткнётесь на идеи, не являющиеся чем-то общеизвестным и общепризнанным, а составляющие специфику авторского взгляда на предмет. Не исключено, что какие-то другие авторы не согласятся с подобными утверждениями.

Примечателен абзац 12. В нём авторы пишут, что «мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры», и тут же заявляют,

что «пространственная структура здесь нас мало интересует». Однако дальше всё же следует описание некоторых свойств этой «не интересующей» авторов пространственной структуры, начинающееся со слов «Достаточно сказать лишь то, что...». Завершается абзац подчёркиванием мысли о первоочередной значимости другого объекта, а именно временной структуры: «Гораздо важнее для нашей цели временная структура». В этом абзаце авторы словно нарочно уведут внимание читателя от пространственной структуры мира повседневной жизни в сторону его временной структуры. Очевидно, что для исследовательских задач авторов вторая важнее, чем первая. Для нас, однако, важно то, что в тексте всё же что-то утверждается и о пространственной структуре, как бы авторы ни спешили перейти к рассмотрению других вещей. И это сделанное с неохотой утверждение для нас не менее важно, чем те, которые подчёркиваются авторами как имеющие первоочередную значимость. Можно предположить, что другие исследователи, пишущие что-либо на основе произведения П. Бергера и Т. Лукмана, скорее обратят своё внимание на то, что лежит на поверхности, чем на «спрятанное» авторами как малозначимое. Следовательно, именно обращая внимание на такие «малозаметные» утверждения, можно добиться высокой степени оригинальности и новизны собственных идей, даже анализируя много кем исследовавшиеся тексты.

3. ВЫЧЛЕНЕНИЕ ИЗ ТЕКСТА ИНФОРМАЦИИ ОБ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ОБЪЕКТАХ

В предыдущем разделе я уже говорил о том, что в любом философском тексте содержится гораздо больше информации, чем та, которую его автор «выставляет напоказ» в качестве того, что он утверждает. Один из способов получить «не лежащие на поверхности» утверждения – взять за отправную точку какое-либо упоминающееся в тексте понятие, выраженное словом или словосочетанием, и выписать из текста всё, относящееся к этому понятию. Суждения авторского текста, содержащие выбранное вами понятие, могут быть построе-

ны так, что это понятие не является его субъектом и занимает в структуре суждения второстепенное и подчинённое место. Вам же необходимо «развернуть», преобразовать суждение так, чтобы в образованном вами суждении интересующее вас понятие занимало позицию субъекта суждения.

Преобразуя суждения, вы видоизменяете фразы автора, стараясь держаться ближе к исходному тексту, но иногда, при необходимости, добавляя слова, являющиеся связующими звеньями.

Приведу примеры такого вычленения суждений.

В абзаце 6 есть первые два предложения содержат словосочетание «реальность повседневной жизни». Рассмотрим, как можно «добыть» из этих предложений максимальное количество информации об этом явлении – о реальности повседневной жизни. Вот эти предложения:

«Реальность повседневной жизни организуется вокруг "здесь" моего тела и "сейчас" моего настоящего времени».

«Это "здесь-и-сейчас" – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни».

В первом из этих предложений словосочетание «реальность повседневной жизни» является подлежащим, и, соответственно, выражаемое им понятие является субъектом в суждении. Если я спрошу, что в этом предложении говорится о реальности повседневной жизни, то ответ уже в готовом виде содержится в процитированном предложении, его даже не надо переделывать.

Во втором предложении то, что утверждается о реальности повседневной жизни, ещё нужно получить путём переформулирования. Начнём фразу со слов: «Реальность повседневной жизни – это...» и переделаем предложение так, чтобы оно являлось продолжением этой фразы. Соответственно, то, что было в предложении на первом плане, после «разворачивания» станет подчинённым и второстепенным. Получаем: «Реальность повседневной жизни – это то, на что обращено моё внимание, фокусом которого является "здесь-и-сейчас"».

Рассмотрим ещё одно предложение, в котором есть словосочетание «реальность повседневной жизни», в абзаце 11: «Все конечные области значений

характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни». «Развернём» фразу так, чтобы она начиналась со слов «Реальность повседневной жизни – это...»: «Реальность повседневной жизни – это то, с чего внимание переключается на конечные области значений».

Описанный приём «разворачивания» фразы – это промежуточная ступень в исследовании. Мы получаем «полуфабрикат», который можно использовать для дальнейшей работы над собственными выводами. Например, можно «развернуть» несколько предложений в разных местах текста, где содержится одно и то же слово или словосочетание, и соединить полученное в единую смысловую конструкцию. Сделаем это на примере двух трансформированных нами предложений, из которых мы получили утверждения о реальности повседневной жизни: «Реальность повседневной жизни – это то, на что обращено моё внимание, фокусом которого является "здесь-и-сейчас"» и «Реальность повседневной жизни – это то, с чего внимание переключается на конечные области значения». В обоих говорится не только о реальности повседневной жизни, но и о внимании, и это даёт основание объединить два утверждения в одно, более сложное по структуре: «Реальность повседневной жизни – это то, на что может быть обращено внимание, сфокусированное на "здесь-и-сейчас", и с чего оно может переключается на конечные области значения». Это утверждение получено из соединения двух фраз, находящихся в тексте на некотором расстоянии друг от друга (если мы рассматриваем текст в рамках одного и того же произведения, расстояние может быть любым). Сопоставить и соединить эти фразы стало возможным на основании того, что в обеих говорится о реальности повседневной жизни.

Сразу покажу, для чего можно использовать такое соединение. Фокусом внимания, обращённого на реальность повседневной жизни, является "здесь-и-сейчас". С реальности повседневной жизни внимание переключается на конечные области значения. Можно предположить, что в конечных областях значения сфокусированность на "здесь-и-сейчас" уже не будет характеристикой вни-

мания. Проверить или опровергнуть это предположение можно, найдя фрагменты в тексте, где говорится о конечных областях значения.

Продемонстрирую тот же метод «разворачивания» структуры фразы на предложениях из абзаца 16, содержащих слово «типизация». Если мы трансформируем предложение, не обязательно использовать его целиком, можно трансформировать только его часть. В этом случае из одного предложения можно извлечь несколько утверждений об одном и том же явлении. Например: «С другой стороны, даже в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем "отдаленные" формы взаимодействия». Трансформируем в: «типизация – это то, схемы чего являются средством постижения другого», «типизация – это то, схемы чего более подвержены непосредственному вмешательству со стороны другого в ситуации лицом-к-лицу, чем в "отдалённых" формах взаимодействия».

Ещё предложение: «Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными из-за вмешательства с его стороны». Трансформируем: «типизации – это то, что упорядочивает взаимодействие между людьми в ситуации лицом-к-лицу», «типизации – это то, что может стать проблематичным из-за вмешательства со стороны».

Предложение «Схемы типизации, выступающие в качестве составных элементов ситуации лицом-к-лицу, конечно, взаимны» позволяет нам утверждать, что типизация – это то, схемы чего взаимны (имеется в виду взаимность при взаимодействии двух людей).

Трансформация нескольких фраз, содержащих слово «типизация», позволяет нам сформулировать несколько утверждений о типизации. После этого можно пересказать эти утверждения в форме, приемлемой с точки зрения стилистики, и мы получим связный рассказ о явлении под названием «типизация». Например, из трансформированных нами фраз следует: типизация является средством постижения другого человека при взаимодействии с ним и упорядочивает это взаимодействие, причём и в ситуации лицом-к-лицу, и в более «от-

далённых» формах взаимодействия; при взаимодействии людей типизации взаимны и при вмешательстве со стороны могут стать проблематичными. Если проанализировать большее количество предложений, то о понимании типизации авторами текста можно, разумеется, сказать больше.

Здесь мы подошли к одному из аспектов искусства формулировки темы научного исследования. Если работа посвящена концепции какого-либо философа, то задача заключается в том, чтобы отыскать в творчестве этого философа интересную сторону и взять её за основу при формулировке темы. При этом наиболее лёгкий вариант – взять темы, которые философ сам преподносит как основные в своём творчестве. Однако такой путь означает, что, скорее всего, уже немало исследователей работали именно в этом направлении до вас. Более оригинальная работа получится, если взять в качестве темы то, что философ не акцентирует как тему своего труда или разбираемую в нём проблему. Как этого добиться? Один из способов – найти термин или словосочетание, которые фигурируют в работе достаточно часто, но не становятся основой для тем, на которые философ размышляет. Для анализируемого фрагмента из работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» это слова и словосочетания «конечная область значения», «интерсубъективность», «типизация», «ситуация лицом-к-лицу», «темпоральная структура повседневной жизни» и др. Соответственно, названия тем работ звучали бы так: «Понятие "конечная область значения" в работе П. Бергера и Т. Лукмана "Социальное конструирование реальности"», «Темпоральная структура повседневной жизни в концепции П. Бергера и Т. Лукмана» и т. п. Конечно, не всегда материала по такой теме оказывается достаточно для написания целой работы, но, возможно, его хватит на главу или параграф в работе с более широкой темой.

В некоторых случаях об одном и том же явлении автор пишет, используя разные термины. Идёт ли речь об одном и том же или нет, ясно из контекста. Например, в абзаце 5 читаем: «Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей ре-

альностью». И далее в абзаце 10: «По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия». В обоих случаях реальность повседневной жизни именуется высшей реальностью. Следовательно, когда в этом тексте речь идёт о высшей реальности, можно обращаться с соответствующими утверждениями так же, как если бы в них шла речь о повседневной реальности.

Ещё пример. В абзаце 16 говорится о типизации: «С другой стороны, даже в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем "отдаленные" формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни». В первом предложении говорится о «схемах типизации», во втором – о «жестких образцах». Выше я уже анализировал значение термина «типизация», и из определений этого термина в совокупности с контекстом можно заключить, что «жесткие образцы» в данном случае – что-то близкое к «схемам типизации». Следовательно, можно объединить рассмотрение этих словосочетаний.

Такие переходы правомерно осуществлять и между родственными словами разных частей речи, например, между «типизация» и «типизировать», в том случае, если нет оснований подозревать, что эти слова сильно отличаются по передаваемым ими значениям. Это тоже можно вычислить из контекста, а также из словарных определений.

4. ВЫДЕЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Под дифференциацией в данном случае я имею в виду ситуацию, когда автор пишет о каком-либо явлении и выделяет его разновидности. Выделение разновидностей явления может иметь разную степень развёрнутости и завер-

шённости. В некоторых случаях автор подчёркивает, что названные им разновидности полностью исчерпывают явление, то есть других разновидностей у данного явления нет. В других случаях автора не заботит вопрос о том, сколько ещё есть разновидностей у описываемого явления помимо тех, что он называет. Автор может выстроить классификацию и назвать основание этой классификации, то есть те свойства, на основании различий которых выделяются разновидности. В других случаях основание классификации не называется и не анализируется. Выделение разновидностей может пойти далеко и до выделения не только типов, но и подтипов, подтипов этих подтипов и т. д., а может ограничиться одним уровнем, без дальнейшего членения на подтипы. Характеристики разновидностей могут быть расписаны более подробно, менее подробно или вообще отсутствовать – в последнем случае автор ограничивается лишь тем, что называет их, а может быть, называемые им явления настолько хорошо всем известны, что описывать их свойства нет смысла. Во всех этих вариантах для вас важно суметь заметить само наличие выделения разновидностей в тексте.

Перейдём к примерам. Абзац 6 начинается с фраз: «Реальность повседневной жизни организуется вокруг "здесь" моего тела и "сейчас" моего настоящего времени. <...> Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны "здесь-и-сейчас"». Это не что иное как дифференциация. П. Бергер и Т. Лукман выделяют типы феноменов повседневной реальности: воспринимаемое «здесь и сейчас» и то, что находится за пределами «здесь и сейчас». В следующих фразах авторы называют и основание, по которому выделены эти виды: это степень удалённости объекта от «здесь и сейчас» в пространстве и времени. Далее уточняется проведённое разграничение: то, что близко к «здесь и сейчас», – зона, непосредственно доступная физической манипуляции, – и отдалённые зоны.

Абзац 8: «Повседневная жизнь разделена на сектора, одни из которых воспринимаются привычно, а в других я сталкиваюсь с проблемами того или иного рода». Здесь даётся разграничение видов секторов повседневной жизни.

В следующих предложениях эти сектора именуются несколько иначе, так что можно выбрать, как назвать их, выстраивая отношение дифференциации. Можно, например, охарактеризовать их как проблематичные и непроблематичные. Обрисовывается и основание разграничения, хотя его формулировку придётся сделать самостоятельно. Например, можно описать это основание как степень лёгкости / проблематичности восприятия феноменов и взаимодействия с ними. Различия между этими секторами повседневной жизни описываются авторами довольно подробно, так что после выделения разновидностей можно уделить какую-то часть работы изложению характеристик выделяемых разновидностей.

В абзацах 10–11 авторы выделяют несколько конечных областей значений, которые противопоставляются реальности повседневной жизни. Выделяемые разновидности не даны здесь в едином перечислении через запятую; упоминания отдельных конечных областей значений разбросаны по тексту. Таким образом, построение единого списка разновидностей уже будет самостоятельным исследовательским шагом. Вот эти разновидности конечных областей значений: сновидение, игра детей, театр и вообще искусство, религия, физическая теория. Если продолжить поиск за пределами названных двух абзацев, то можно обнаружить упоминание о «теоретической установке» «учёного или философа», (абзац 8), о реальностях ночных кошмаров и теоретической физики (абзац 9). Это, впрочем, приблизительно укладывается в разновидности, приведённые в абзацах 10–11. При изложении разновидностей вы можете пытаться наиболее точно отобразить их суть, уточняя своими словами авторские формулировки. Например, физическая теория может быть представлена как частный случай научной теории, и в качестве разновидности конечных областей значений можно назвать научную теорию или вообще науку. В случае с религией можно говорить не о религии вообще, а отдельно о религиозном мистицизме и о религиозной теории. Наиболее адекватные формулировки целесообразно подыскивать, анализируя всё, что сказано о соответствующей разновидности во всех фразах текста, где о ней говорится.

В абзаце 14 и последующих абзацах говорится о типах восприятия людьми друг друга. Выделяется ситуация «лицом-к-лицу» и характеризуется довольно подробно. Вместе с тем говорится, что помимо этого типа восприятия есть и другие (абзац 14), а через абзац эти другие виды называются «отдалёнными». В абзаце 15 называется один из этих «отдалённых» видов восприятия другого человека – переписка, а далее авторы рассматривают некоторые основания разграничения видов взаимодействия: непосредственность и опосредованность контакта и степень анонимности. Как видим, здесь присутствует более одного уровня выделения подвидов явления. Некоторые свойства выделяемых разновидностей расписаны подробно, так что отсюда можно добыть немало материала для анализа.

В абзацах 17 и 18 продолжается выделение типов восприятия другого человека. В предыдущем примере выделен один подтип явления, который противопоставляется остальным, не разграниченным и практически не названным типам. Здесь же авторы разграничивают два вполне определённых типа восприятия и, что ценно для анализа, дают несколько сравнительных характеристик обеих разновидностей. С кем-то я взаимодействую непосредственно, лицом к лицу (партнёры), с кем-то – опосредованно (современники). В первом случае свойства человека непосредственно даны мне в восприятии, во втором я знаю о человеке с чужих слов. О партнёре я не могу не думать, когда общаюсь с ним, о современнике я могу думать или не думать, знать или не знать. Для второго типа взаимодействия в большей степени характерна анонимность. Из этих характеристик мы можем выбрать то, что является наиболее важным, сущностным противопоставлением и поэтому может претендовать на роль основания классификации. На мой взгляд, это непосредственность / опосредованность контакта: остальные парные характеристики вытекают из этой пары. В абзаце 18 даётся дальнейшее, более дробное членение типов восприятия другого человека, что даёт дополнительный материал для анализа.

Если вам удастся обнаружить и детально охарактеризовать сделанное автором текста выделение подтипов какого-либо явления, то вы, скорее всего,

формулируете собственный, оригинальный исследовательский вывод. Иногда автор подчёркивает разграничение разновидностей как свою важную идею, но часто подобные разграничения носят вспомогательный характер с точки зрения исследовательских задач философского труда. В этих случаях не только сам автор, но и исследователи текста, следующие за автором в расстановке акцентов, обычно не придают таким разграничениям большого значения. Однако они вполне могут быть интересны и продуктивны, если суметь их обнаружить и особенно если использовать их для достижения собственных исследовательских целей.

5. НАПИСАНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ФРАГМЕНТА ТЕКСТА НА ОПРЕДЕЛЁННУЮ ТЕМУ

В предыдущих разделах учебно-методического пособия я разобрал несколько приёмов анализа философского текста. В этом разделе будет приведён пример применения описанных приёмов в различных сочетаниях при написании собственного целостного текста на определённую тему. Это будет один параграф из воображаемой курсовой работы, тема которой – «Реальность повседневной жизни и конечные области значений в концепции П. Бергера и Т. Лукмана». В качестве темы параграфа я выбрал переход от реальности повседневной жизни к конечным областям значений, как его понимают П. Бергер и Т. Лукман. В качестве материала для анализа выбраны абзацы 8, 10, 11 фрагмента произведения П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». В этих абзацах содержится материал по названной теме.

Выбрав тему – неважно, работы в целом, главы или параграфа, – я получаю структурообразующее начало, с помощью которого я буду определять, какой материал брать из текста и как его упорядочивать. Если в качестве темы выбран переход от одной реальности к другой, то всё остальное занимает подчинённое положение по отношению к этому главному пункту. Используя это

отношение подчинённости, я определяю набор вопросов, которые будут в моём анализе подпунктами для главной темы. Если я анализирую конкретный текст, то состав этих вопросов определяется тем, что я сумею отыскать в тексте такого, что относилось бы в большей или меньшей степени к выбранной мною теме.

Непременным условием написания качественной научной работы является выстраивание её чёткой структуры. Структура – это не только деление текста на главы и параграфы. Структурирован должен быть даже небольшой кусочек текста, уже без выделения частей, имеющих заглавие. Во всех случаях структура означает проведение чёткой границы между частями текста, в которых раскрываются разные подпункты или подподпункты проблемы, дающей заглавие работе в целом, главе или параграфу. Одному такому подпункту можно посвящать абзац, иногда два абзаца или более. Автор исследования должен отдавать себе отчёт в том, какая подпроблема центрирует данный кусочек текста (абзац или несколько абзацев). Автор должен отдавать себе отчёт также и в том, где заканчивается текст, посвящённый одной подпроблеме, и начинается текст, посвящённый следующей подпроблеме. Если эти границы видит сам автор, текст приобретает логическую стройность и ясность. А целостность текста достигается за счёт подчинённости подпроблем, центрирующих кусочки текста, центральной проблеме текста.

Как формулировать проблемы и подпроблемы? В этом процессе очень помогает поиск вопросов, ответы на которые содержатся в исследуемом тексте. Как было показано выше, в тексте содержатся ответы не только на те вопросы, которые интересуют его автора. Хочет автор того или нет, он делает в тексте много утверждений, побочных для его исследовательских целей, хотя и относящихся к предмету его исследования. К каждому такому утверждению может быть задан вопрос, а часто – несколько вопросов, ответом на которые является это утверждение.

Ниже я привёл перечень вопросов, ответы на которые содержатся в первой половине абзаца 8 анализируемого текста. После каждого вопроса в скобках приведены кусочки текста П. Бергера и Т. Лукмана, из которых мы можем

почерпнуть ответ на соответствующий вопрос. Я взял лишь те вопросы, которые относятся к выбранной мною теме перехода между реальностью повседневности и другими реальностями.

1. Какова степень сомнений людей в реальности повседневной жизни? («Реальность повседневной жизни... имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. <...> Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них...»)

2. При каких условиях возможно сомнение в реальности повседневной жизни? («Такое воздержание от сомнений настолько устойчиво, что, для того чтобы отказаться от него, как мне того хотелось бы, скажем, в процессе теоретического или религиозного размышления, я должен совершить резкий скачок»).

3. Возможно ли выйти из реальности повседневной жизни? (да: это, например, «переход ученого или философа от естественной к теоретической установке»).

4. Какой характер носит переход от реальности повседневной жизни к другим реальностям? («резкий скачок», требующий «немало усилий»).

5. Какие виды реальностей существуют, кроме реальности повседневной жизни? («теоретическая установка» «учёного или философа», «теоретическое или религиозное размышление»).

Аналогичным образом из абзацев 10 и 11 я извлекаю следующие вопросы, ответы на которые там содержатся.

6. Как соотносятся реальность повседневной жизни и другие реальности? («По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности...»).

7. Какие существуют реальности помимо реальности повседневной жизни? («реальность сновидений», «реальность... теоретического мышления»,

«мир игры, как играющих детей, так и взрослых» (во втором случае имеется в виду театр), «искусство», «религия», «концепция пространства» «физика-теоретика», «встреча с божественным» «мистика», «сновидения». Это разновидности разного уровня, например, физическая теория – частный случай реальности теоретического мышления, а театр – частный случай искусства. Поэтому приведённый перечень – это только отправной пункт для составления классификации конечных областей значения по П. Бергеру и Т. Лукману).

8. Чем отличаются друг от друга реальности? («характерными значениями и способами восприятия», «со своими собственными значениями и устройством»).

9. Как можно описать переход от реальности повседневной жизни к другим реальностям и обратно? («...сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии», «переключения», «переход из одной реальности в другую», «когда занавес поднимается, зритель "переносится" в другой мир со своими собственными значениями и устройством...», «когда занавес опускается, зритель "возвращается к реальности"», «все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни», «радикальное изменение напряженности сознания», «скачки»).

10. Возможно ли в рамках одной реальности интерпретировать опыт, полученный в рамках другой реальности? (да: вторая половина абзаца 11).

11. Как соотносятся реальности по роли в нашей жизни? (реальность повседневной жизни – «высшая реальность», «...другие реальности оказываются... анклавом в рамках высшей реальности», «однако все они – сновидец, физик, артист и мистик – живут также и в реальности повседневной жизни», «...реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус...», «...с другими, вкрапленными в нее реальностями»).

12. С какой реальностью в большей степени связан язык? («Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений»).

13. Что происходит при попытках интерпретировать опыт одной реальности в терминах другой? («Поэтому обычно я "искажаю" реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации...»).

14. Как воспринимает человек, находящийся в реальности повседневной жизни, свой собственный опыт, полученный в другой реальности? («Когда занавес опускается, зритель "возвращается к реальности", вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной...»), «физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик – о встрече с божественным»).

15. Только ли переходы между реальностями происходят при помощи переключения внимания? (нет: «хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений – гораздо глубже и основательнее»).

16. Допустимо ли сравнивать статусы реальностей при переходе между ними? (да: «...реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус даже и в случае таких "скачков"»).

17. Может ли переход от реальности повседневной жизни к какой-либо конечной области значений быть вызван внешним воздействием чего-либо на человека? (да: «когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир...»).

18. Возможно ли, находясь в реальности повседневной жизни, вспомнить свой опыт, полученный в другой реальности? (да: «...реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад», «физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке»).

19. Чем обусловлена сложность переключения от одной реальности к другой и интерпретации одной реальности на языке другой? (реальности отли-

чаются «характерными значениями и способами восприятия», «со своими собственными значениями и устройством»).

20. Между какими реальностями возможен переход? (между реальностью повседневной жизни, с одной стороны, и теми реальностями, которые перечислены после вопроса 7. Возможен ли переход от одной неповседневной реальности к другой – об этом в тексте не говорится).

Список вопросов не может быть завершённым. Научный поиск во многом и заключается в способности задавать вопросы к тому объекту исследования, который доступен всем, но в разной степени открывает свои секреты разным исследователям. Кроме того, здесь я привёл только вопросы, ответы на которые содержатся в трёх абзацах текста; понятно, что вовлечение в анализ новых фрагментов того же произведения способно существенно расширить круг рассматриваемых вопросов или дать дополнительные ответы на уже заданные. При изложении материала я смогу выйти на новые вопросы и на поиск ответов на них в тексте.

Из сформулированных выше вопросов к тексту я могу взять материал для выстраивания структуры работы, то есть для выделения частей и подчастей. Моя задача – создать такие части текста, каждая из которых отвечает на один вопрос, который может, в свою очередь, раскрываться через несколько подвопросов. Эти части мне нужно будет выстроить в такую последовательность, которая обеспечит планомерное развитие темы. Но чтобы определить эту последовательность, я должен сначала составить список вопросов, ответы на которые я смогу дать на основе анализа материала. Именно выстраивание текста как системной последовательности ответов на вопросы позволяет добиться предельно чёткой и стройной структуры научной работы.

Тема параграфа – переход между реальностями. Это предполагает, что в более ранних параграфах воображаемой курсовой работы уже были даны характеристики как реальности повседневной жизни, так и конечных областей значения. Поэтому в данном параграфе воображаемой курсовой работы я не

буду останавливаться на общей характеристике этих понятий, а буду писать только о том, что касается перехода между ними.

Сформулированные выше вопросы к абзацам 8, 10 и 11 мне теперь нужно объединить в группы, каждая из которых соответствовала бы некоему более масштабному вопросу. Такое структурирование одного и того же материала можно проводить по-разному. Для этого мне нужно найти то общее, что объединяет те или иные вопросы (и, соответственно, ответы на них). Начинать нужно с более общих и фундаментальных положений и постепенно переходить к более частным вопросам. Если я использую не все сформулированные мною вопросы, то это нормально, так как какая-то часть работы, произведённой на любой стадии научного исследования, остаётся невостребованной на следующих стадиях.

Вот один из вариантов структурирования вышеизложенных вопросов в группы. После формулировки объединяющего вопроса для каждой группы следуют положения, содержащиеся в исследуемом тексте и являющиеся ответами на сформулированные ранее вопросы.

Группа 1. Между какими реальностями возможен переход? (вопросы 3, 5, 7, 20).

1.1. Переход от одной реальности к другой возможен.

1.2. Существует реальность повседневной жизни, из которой возможно перейти (и вернуться обратно) в следующие реальности (конечные области значений): сновидение, игра детей, теоретическое (научное, философское, религиозное) познание, религиозный опыт (в частности, мистический опыт), искусство (в частности, театр).

1.3. Возможен переход от реальности повседневной жизни к каждой из перечисленных конечных областей значений, но неясно, возможен ли переход между конечными областями значений.

Группа 2. Какова природа перехода между реальностями? (вопросы 4, 8, 9, 17).

2.1. Переход между реальностями носит характер скачка, переключения внимания, радикального изменения напряжённости сознания. Этот переход требует немало усилий.

2.2. Переход от одной реальности к другой означает переход между мирами с собственными значениями, устройством, способами восприятия.

2.3. Переход между реальностями может в каких-то случаях вызываться или стимулироваться внешними по отношению к человеку факторами, например, поднятием занавеса в театре.

Группа 3. Как соотносятся между собою разные реальности по статусу, по значимости в жизни человека? (вопросы 6, 9, 11, 12, 16).

3.1. Реальность повседневной жизни – высшая реальность. Она играет главную роль в жизни человека. Остальные реальности – анклав, вкрапления в неё. Человек посещает их и возвращается обратно к реальности повседневной жизни.

3.2. Одно из проявлений главенства реальности повседневной жизни заключается в том, что язык приспособлен прежде всего для отображения её опыта.

Группа 4. Какие сложности возникают при переходе от одной реальности к другой? (вопросы 4, 8, 10, 12, 13, 14, 18, 19).

4.1. Находясь в реальности повседневной жизни, человек может вспомнить опыт, полученный в одной из неповседневных реальностей. При этом он испытывает сложности при попытке изложить опыт, полученный в одной из неповседневных реальностей.

4.2. Одной из причин этих сложностей является то, что язык приспособлен прежде всего для отображения опыта, полученного в реальности повседневной жизни.

4.3. Другой причиной является то, что реальности отличаются друг от друга своими фундаментальными свойствами: характерными значениями и способами восприятия.

4.4. Когда человек, получивший опыт в одной из неповседневных реальностей, вспоминает его, находясь в реальности повседневной жизни, этот опыт

предстаёт перед этим человеком не в таком же виде, в каком он воспринимался в той реальности, в которой был получен. Например, этот опыт может восприниматься как незначительный и эфемерный, тогда как первоначально воспринимался живо.

Таким образом, я получил каркас для собственного текста. Сейчас я буду разворачивать те тезисы, которые сформулировал выше, снабжать их цитатами и пересказом деталей из тех утверждений, которые содержатся в исследуемом тексте. Ниже приведён получившийся текст. Справа указываются приёмы анализа, использовавшиеся в конкретных случаях для получения выводов.

***Переход между реальностью повседневной жизни
и конечными областями значений
в концепции П. Бергера и Т. Лукмана***

П. Бергер и Т. Лукман считают, что между реальностями различного типа возможен переход. Авторы упоминают о переходе из повседневной реальности в следующие конечные области значения: сновидение, игра детей, теоретическое познание («теоретическая установка» «учёного или философа», в частности, приводится пример с физической теорией), религиозный опыт («встреча с божественным», мистический опыт, а также религиозное теоретическое размышление), искусство (в частности, театр).

П. Бергер и Т. Лукман пишут о возможности перехода от реальности повседневной жизни к каждой из перечисленных конечных областей значений и обратно, но остаётся неясным, считают ли авторы возможным переход от одной конечной области значений к другой.

Выделение подра-
зумеваемого утвержде-
ния

Выделение разно-
видностей явления (виды
конечных областей зна-
чения)

Выделение подра-
зумеваемого утвержде-
ния

Переход от одной реальности к другой авторы описывают как переключение внимания. «Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – но переключение внимания на конечную область значений – гораздо глубже и основательнее». Переключение внимания при переходе от одной реальности к другой носит характер скачка. Этот скачок требует немало усилий, он представляет собой «радикальное изменение напряженности сознания».

Объяснение этой напряжённости перехода от одной реальности к другой можно найти в свидетельстве авторов о том, что разные реальности отличаются друг от друга базовыми свойствами, такими как характерные значения, устройство мира, способы восприятия.

Пример с занавесом в театре, который переносит зрителей в конечную область значений театрального искусства, показывает, что переход от повседневной реальности к неповседневной по крайней мере иногда может стимулироваться внешним воздействием.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, реальность повседневной жизни играет безусловно главенствующую роль в жизни любого человека. Авторы именуют её «высшая реальность», по отношению к которой другие реальности предстают как анклав. Переносясь в какую-либо конечную область значения, например, в мир научной теории, или художественной реальности, или сновидения, человек вся-

Выделение разновидностей явления (виды переключения внимания)

Вычленение из текста информации об определённых объектах (о переходе)

Вычленение из текста информации об определённых объектах (об отличиях между реальностями)

Выделение подразумеваемого утверждения

Выделение разновидностей явления (типов реальностей)

кий раз возвращается к повседневной реальности, «как из экскурсии».

Одно из проявлений того, что реальность повседневной жизни – это высшая, главенствующая реальность, заключается в том, что язык приспособлен прежде всего для отображения опыта именно этой реальности. Это обстоятельство порождает сложности при попытках выразить с помощью языка опыт, полученный в конечных областях значений.

Находясь в реальности повседневной жизни, человек способен вспомнить опыт, полученный в другой реальности. При этом сказывается различие между реальностями в их фундаментальных свойствах, в частности, в способах восприятия, а также то, что язык приспособлен прежде всего для передачи повседневного опыта. Вследствие этих факторов воспроизведение, фиксация в словах и передача неповседневного опыта вызывает сложности, а результат такой передачи часто оценивается как искажение. Это ярко видно на примерах попыток пересказать средствами повседневного языка содержание сновидения, эстетического восприятия, научной теории. Для самого человека, получившего неповседневный опыт, яркость и значение этого опыта существенно изменяются, когда этот человек пребывает в реальности повседневной жизни. Например, художественная реальность театрального спектакля, только что вызывавшая сильные переживания, воспринимается на фоне повседневности уже как «незначительная и эфемерная».

Вычленение из текста информации об определённых объектах (о реальности повседневной жизни)

Вычленение из текста информации об определённых объектах (о переходе между реальностями)

Выделение разновидностей явления (восприятие неповседневного опыта в разных условиях)

Полученный текст представляет собой почти готовый продукт научного анализа и уже может быть включён в курсовую или выпускную квалификационную работу. Разумеется, все цитаты в тексте нужно сопровождать сносками, равно как и пересказ содержания текста своими словами. Здесь я не выполнил этого условия, так как пособие нацелено на освещение других аспектов научной работы. Кроме того, работа не может быть написана на основании анализа только одного произведения и должна включать в себя сноски на различные работы, в том числе те, авторы которых, подобно вам, исследуют ту же самую концепцию или то же самое философское произведение.

Как было показано выше, для анализа философского текста необходимо перейти на уровень отдельных содержащихся в нём идей, включая те, которые содержатся в нём в неявном, неочевидном виде, и далее снова вернуться на уровень создания целостного текста, но уже вашего, подчинённого вашему исследовательскому замыслу.

ЛИТЕРАТУРА

Авдониная Л. Н. Письменные работы научного стиля [Электронный ресурс] : Учебное пособие / Л. Н. Авдониная, Т. В. Гусева. – М.: Форум: НИЦ Инфра-М, 2012. – 72 с. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=327992> (дата обращения: 01.10.2014). Доступ из электронно-библиотечной системы Znanium.com.

Аверченков В. И. Основы научного творчества [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В. И. Аверченков, Ю. А. Малахов. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 156 с. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=453875> (дата обращения: 01.10.2014). Доступ из электронно-библиотечной системы Znanium.com.

Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С. А. Васильев; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1988. – 237 с.

Гетманова А. Д. Логика: учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Омега – Л, 2008. – 415 с.

Зорин В. А. Методические рекомендации по подготовке магистерской диссертации [Электронный ресурс] / В. А. Зорин, В. А. Даугелло, Н. С. Севрюгина и др. – М.: МАДИ, 2013. – 87 с. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=449243> (дата обращения: 01.10.2014). Доступ из электронно-библиотечной системы Znanium.com.

Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / М. Коэн, Э. Нагель; перевод с англ. П. С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с.

Кузин Ф.А. Кандидатская диссертация: методика написания, правила оформления и порядок защиты: практ. пособие для аспирантов и соискателей ученой степени / Ф. В. Кузин. – 7-е изд., доп. – М.: Ось-89, 2005. – 224 с.

Кузнецов И. Н. Подготовка и оформление рефератов, курсовых и дипломных работ / И. Н. Кузнецов. – Минск: ООО «Сэр-Вит», 2000. – 254 с.

Маслов Е.С. Методика работы с философским текстом на семинарских занятиях по истории зарубежной философии: Учебно-методическое пособие / Е. С. Маслов. – Казань: Казанский государственный университет, 2010. – 54 с.

Метс Н. А. Структура научного текста и обучение монологической речи / Н. А. Метс, О. Д. Митрофанова, Т. Б. Одинцова. – М.: Русский язык, 1981. – 141 с.

Понимание и интерпретация текста: Сб. науч. тр.; Твер. гос. ун-т; Отв. ред. Г. И. Богин. – Тверь, 1994. – 169 с.

Резник С. Д. Основы диссертационного менеджмента [Электронный ресурс]: Учебник / С. Д. Резник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 289 с. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=425306> (дата обращения: 01.10.2014). Доступ из электронно-библиотечной системы Znanium.com.

Резник С. Д. Аспирант вуза: технологии научного творчества и педагогической деятельности [Электронный ресурс] : Учебное пособие / С. Д. Резник. – 3-е изд., перераб. – М.: НИЦ Инфра-М, 2012. – 520 с. URL:

<http://znanium.com/bookread.php?book=341977> (дата обращения: 01.10.2014). Доступ из электронно-библиотечной системы Znanium.com.

Реферирование научного текста: метод. рекомендации по курсу «Русский язык и культура речи» / Сост.: А. В. Бастриков, Е. М. Бастрикова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 28 с.

Терминография и перевод научного текста: межвузовский сборник / отв. ред. Л. Т. Борисова. – Горький: ГГУ, 1989. – 95 с.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: стиль, текст, дискурс: учеб. пособие для студентов ст. курсов, магистрантов и аспирантов вузов, обучающихся по направлению 540300 (050300) филол. образование / В. Е. Чернявская. – Изд. 3-е, стер. – М.: URSS: КомКнига, 2006. – 127 с.

Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учеб.-метод. пособие / Умберто Эко; пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Кн. дом «Университет», 2003. – 239 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

Трактат по социологии знания (фрагменты)

Глава I. Основы знания повседневной жизни

1. Реальность повседневной жизни

1. Так как целью данного исследования является социологический анализ реальности повседневной жизни, точнее, знания, определяющего поведение в повседневной жизни, то нас не слишком интересует, каким образом эта реальность представляется интеллектуалам в различных теоретических перспективах. Прежде всего мы должны обратиться к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. Какое влияние оказывают на эту реальность повседневной жизни теоретические построения интеллектуалов и прочих распространителей идей – это предмет дальнейшего исследования. Так что, хотя наше предприятие и носит теоретический характер, оно связано с пониманием реальности, представляющей собой предмет эмпирической социологии, а именно: мира повседневной жизни.
2. Наша цель, конечно же, не в углублении в философию. Однако, чтобы понять реальность повседневной жизни, следует прояснить ее подлинный характер, прежде чем переходить собственно к социологическому анализу. Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Будучи социологами, мы делаем эту реальность объектом своего анализа. В рамках эмпирической социологии можно принять эту реальность как данность, а определенные ее феномены – как факты без дальнейшего исследования оснований этой реальности, которое

представляет собой философскую задачу. Однако, учитывая цель настоящего исследования, мы не можем совсем обойти философскую проблему. Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального. Поэтому, прежде чем обратиться к нашей главной задаче, мы должны попытаться прояснить основания знания обыденной жизни, а именно объективации субъективных процессов (и смыслов), с помощью которых конструируется интерсубъективный повседневный мир. Для главной цели нашего исследования – это предварительная задача, и мы можем сделать лишь набросок, в основных чертах изображающий то, что мы считаем адекватным решением философской проблемы, поспешим добавить – адекватным лишь в том смысле, что оно может служить отправным пунктом социологического анализа. Поэтому последующие рассуждения носят характер философских пролегомен, предшествующих социологическому анализу. Метод, который мы считаем наиболее соответствующим прояснению оснований знания в повседневной жизни, – феноменологический анализ, чисто описательный метод, и как таковой – «эмпирический», а не «научный», насколько мы понимаем природу эмпирических наук. <...>

3. Сознание всегда интенционально. Оно всегда направлено на объекты или предполагает их. Мы никогда не сможем постичь некий мнимый субстрат сознания как таковой, но лишь сознание чего-то или кого-то, независимо от того, воспринимается ли объект сознания как элемент внешнего физического мира или внутренней субъективной реальности. Смотрю ли я (первое лицо единственного числа употребляется здесь и далее для указания на обыденное сознание индивида в повседневной жизни) на панораму Нью-Йорка, или ощущаю внутреннюю тревогу, процессы, происходящие в сознании, интенциональны в обоих случаях. Нет необходимости объяснять, что сознание того, кто обзревает панораму Нью-Йорка, отличается

от осознания тревоги. Детальный феноменологический анализ помогает вскрыть различные пласты жизненного опыта и различные смысловые структуры, содержащиеся, скажем, в том, что вас укусила собака, в воспоминании о том, что вас укусила собака, в страхе перед всеми собаками и т. д. Нас интересует здесь общий интенциональный характер любого сознания.

4. Различные объекты представляются сознанию как составляющие элементы разных сфер реальности. Я признаю, что люди, с которыми я сталкиваюсь в повседневной жизни, имеют отношение к реальности и сильно отличаются от бесплотных образов моих сновидений. Две системы объектов вызывают в моем сознании совершенно различное напряжение, и мое внимание к ним вовсе не одинаково. Это значит, что мое сознание способно перемещаться в различных сферах реальности. Иначе говоря, я осознаю мир состоящим из множества реальностей. По мере перемещения из одной реальности в другую я воспринимаю этот переход как своего рода шок, который вызван переключением внимания в связи с этим переходом. Лучше всего это иллюстрируется тем состоянием, которое испытывает человек, просыпаясь.
5. Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. Напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни, т. е. последняя накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко. Невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие. Следовательно, она вынуждает меня быть к ней предельно внимательным. Я воспринимаю повседневную жизнь в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мной как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку. <...>
6. Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего

тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. В том, как это «здесь-и-сейчас» дано мне в повседневной жизни, заключается *realissimum* моего сознания. Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, т. е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем. Так что это мой мир *par excellence*. Конечно, я знаю, что реальность повседневной жизни содержит и другие зоны, не столь доступные моему пониманию. Но либо у меня нет прагматического интереса в этих зонах, либо мой интерес не является непосредственным, поскольку потенциально они могут быть для меня зонами манипуляции. Обычно мой интерес в этих отдаленных зонах менее интенсивен и, конечно, не столь настоятелен. Я очень заинтересован в ряде объектов, вовлеченных в мою повседневную работу, – скажем, в мире гаража, если я механик. Меня интересует, хотя и непрямо, то, что происходит в научно-исследовательских лабораториях автомобильной промышленности Детройта. Маловероятно, что когда-нибудь мне доведется побывать в одной из таких лабораторий, но работа, проделанная там, в конечном счете будет влиять на мою повседневную жизнь. Меня может интересовать, что происходит на мысе Кеннеди или где-то еще, но это интерес – частное дело, скорее выбор досуга, чем настоятельная необходимость повседневной жизни.

7. Реальность повседневной жизни представляется мне как интересубъ-

ективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря intersубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. Я один в мире снов, но я знаю, что мир повседневной жизни столь же реален для других, как и для меня. Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми. Я знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и в свою очередь также организует этот мир вокруг «здесь-и-сейчас», их бытия, и имеют свои проекты действий в нем. Конечно, я знаю и то, что у других людей есть своя перспектива на наш общий мир, не тождественная моей. Мое «здесь» – это их «там». Мое «сейчас» не полностью совпадает с их. Мои проекты не только отличаются, но могут даже противоречить их проектам. В то же время я знаю, что живу с ними в общем мире. Но важнее всего то, что я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и их значениями в этом мире, что у нас есть общее понимание этой реальности. Естественная установка именно поэтому и является установкой повседневного сознания, что связана с миром, общим для многих людей. Повседневное знание – это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

8. Реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Я знаю, что она реальна. Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них, поскольку живу повседневной жизнью согласно заведенному порядку. Такое воздержание от сомнений настолько устойчиво, что, для того чтобы отказаться от него, как мне того хотелось бы, скажем, в процессе теоретического или религиозного размышления, я должен со-

вершить резкий скачок. Мир повседневной жизни декларирует себя, и если я хочу бросить вызов этой декларации, то должен приложить немало усилий. Переход ученого или философа от естественной к теоретической установке хорошо иллюстрирует этот момент. Однако не все аспекты этой реальности в равной степени непроблематичны. Повседневная жизнь разделена на сектора, одни из которых воспринимаются привычно, а в других я сталкиваюсь с проблемами того или иного рода. Предположим, я – автомеханик, хорошо осведомленный относительно автомобилей американских марок. Все, что связано с ними, – это обычный непроблематичный аспект моей повседневной жизни. Но однажды в гараже появляется тот, кто просит починить меня «фольксваген». И теперь я вынужденно вовлечен в проблематичный мир машин иностранных марок. Я могу делать это из профессионального любопытства или потому, что вынужден, но в любом случае теперь я сталкиваюсь с проблемами, которые еще не стали для меня привычными. В то же время, я, конечно, не покидаю реальность повседневной жизни. В сущности, она становится богаче, поскольку в ней появляются знания и умения, необходимые для ремонта машин иностранных марок.

9. Реальность повседневной жизни включает оба вида секторов, поскольку то, что оказывается проблемой в одной реальности, не является таковой в других (например, в реальности теоретической физики или в реальности ночных кошмаров). Так как привычный порядок повседневной жизни не прерывается, то и воспринимается как непроблематичный. <...>
10. По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны «переключения» с мира повсе-

дневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры – театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений.

11. Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни. Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений – гораздо глубже и основательнее. Происходит радикальное изменение напряженности сознания. В контексте религиозного опыта его называли просто «скачком». Впрочем, нужно подчеркнуть, что реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус даже и в случае таких «скачков». Если не что-то иное, то язык убеждает нас в этом. Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений. Поэтому обычно я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о

смысле его произведений, а мистик – о встрече с божественным. Однако все они – сновидец, физик, артист и мистик – живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями.

12. Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение, благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура. <...>

13. Как мы уже отмечали, интерсубъективность повседневной жизни тоже имеет темпоральное измерение. В мире повседневной жизни есть свое интерсубъективное доступное стандартное время. Стандартное время можно понять как пересечение космического времени и существующего в обществе календаря, основанного на временных циклах природы и внутреннего времени с его указанными выше различиями. Не существует полной одновременности этих различных уровней темпоральности, о чем свидетельствует восприятие ожидания. Как мой организм, так и мое общество накладывают на меня и мое внутреннее время определенную последовательность событий, включающую и ожидание. Мне может хотеться принять участие в спортивном состязании, но приходится ждать, пока заживет мое ушибленное колено. Или опять приходится ждать, пока будут готовы бумаги, необходимые для официального признания моей квалификации. Вполне понятно, что темпоральная структура повседневной жизни необычайно сложна, так как разные уровни эмпирической темпоральности все время должны приводиться в соответствие друг с другом. <...>

2. Социальное взаимодействие в повседневной жизни

14. Реальность повседневной жизни я разделяю с другими людьми. Но как эти другие воспринимаются в повседневной жизни? Опять-таки можно различать несколько способов такого восприятия. Наиболее важно восприятие других людей в ситуации лицом-к-лицу, которая представляет собой прототип социального взаимодействия. Все другие случаи – отклонения от нее. <...>
15. Довольно трудно установить жесткие образцы для взаимодействия в ситуации лицом-к-лицу. Каковы бы ни были образцы, они будут все время меняться благодаря необычайно разнообразному и едва уловимому взаимодействию субъективными значениями. Например, мне может показаться, что другой недружелюбен ко мне, и тогда я буду вести себя по отношению к нему, не выходя за рамки по-своему понимаемого образца «недружелюбных отношений». Однако в ситуации лицом-к-лицу я могу столкнуться с установками и действиями другого, настолько противоречащими этому образцу, что мне придется отказаться от него как неуместного и считать его дружелюбным. Иными словами, образец не может вместить всего многообразия свойств субъективности другого, доступного моему пониманию в ситуации лицом-к-лицу. Мне же, напротив, гораздо проще не принимать в расчет это многообразие свойств до встречи с другим лицом-к-лицу. Даже в случае такого довольно «близкого» взаимоотношения, как переписка, я вполне могу не принимать в расчет уверений другого в дружбе, как не отражающих его настоящего отношения ко мне, просто потому, что в переписке мне недостает его непосредственной, непрерывной и необычайно реальной экспрессивности. Конечно, вполне возможно, что даже в ситуации лицом-к-лицу я неправильно интерпретирую значения другого человека, а он «лицемерно» скрывает свои. В то же время неправильно интерпретировать и «лицемерить» гораздо труднее во взаимодействии лицом-к-лицу, чем в менее «близких» формах социальных связей.

16. С другой стороны, даже в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем «отдаленные» формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. (Можно оставить на потом рассмотрение случаев взаимодействия между совершенно посторонними людьми, не имеющими общей основы в повседневной жизни.) Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. Так, я воспринимаю другого как «мужчину», «европейца», «покупателя», «живой тип» и т. д. Все эти типизации непрерывно влияют на мое взаимодействие с ним, пока я решаю, например, показать, как можно хорошо провести время, прежде чем продать ему мой товар. Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными из-за вмешательства с его стороны. Так, например, может оказаться, что, хотя он «мужчина», «европеец», «покупатель», он также ханжа и моралист, а то, что поначалу казалось живостью, в действительности – выражение презрения к американцам вообще и американским торговцам в частности. Конечно, здесь моя схема типизации должна видоизмениться, а вместе с ней и планы на вечер. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном, типизации будут сохраняться и будут определять мои действия в данной ситуации. Схемы типизации, выступающие в качестве составных элементов ситуации лицом-к-лицу, конечно, взаимны. Другой тоже воспринимает меня в определенной типичности – как «мужчину», «американца», «торговца», «своего парня» и т.д. Типизации другого подвергаются вмешательству с моей стороны так же, как мои – вмешательству с его стороны. Другими словами, две схемы типизации вступают в непрерывные переговоры в ситуации лицом-к-лицу. В повседневной

жизни такие «переговоры», вероятно, должны быть упорядочены в определенной типичности как процесс типичной сделки между покупателями и продавцами. <...>

17. Важным аспектом восприятия других в повседневной жизни является непосредственность или опосредованность такого переживания. В любой данный момент времени можно говорить о партнерах, с которыми я взаимодействую в ситуации лицом-к-лицу, и о тех, кто является лишь современниками, о которых у меня могут быть более или менее глубокие воспоминания или о ком я знаю лишь понаслышке. В ситуации лицом-к-лицу у меня есть непосредственная данность моего партнера, его действий, атрибутов и т. д. Иначе – в случае с современниками, о них у меня есть лишь более или менее достоверное знание. Более того, я должен принимать в расчет своих партнеров по взаимодействию в ситуации лицом-к-лицу, тогда как всего лишь о современниках я могу, но не обязан думать. Анонимность возрастает по мере того, как я удаляюсь от партнера к современнику, так как анонимность типизаций, посредством которых я «схватываю» партнеров в ситуациях лицом-к-лицу, постоянно «обогащается» множеством признаков конкретного человека.

18. Это, конечно, еще не все. Своих современников я воспринимаю совершенно по-разному. Некоторых я вновь и вновь воспринимаю в ситуациях лицом-к-лицу и надеюсь встречаться с ними регулярно (мой друг Генри). О других я вспоминаю как о конкретных людях на основе прошлых встреч (блондинка, которую я встречал на улице), бывших, однако, мимолетными, и которые, скорее всего, больше не повторятся. Других я знаю как конкретных людей, но воспринимаю их лишь посредством более или менее анонимных пересекающихся типизаций (мои британские конкуренты, королева Англии). Последних можно разделить на вероятных партнеров по ситуациям лицом-к-лицу (мои британские конкуренты) и потенциальных, но вряд ли вероятных партнеров (королева Англии). <...>

Текст приводится по изданию: Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. Использован текст со страниц 12–18.